

1898

1968

Андрей ПОПОВ,
народный артист СССР

МХАТу — 70 лет. Рождение этого театра в 1898 году было не просто появлением в Москве еще одного театрального коллектива, но целой революцией в искусстве.

Восемнадцатичасовая беседа в «Славянском Базаре» двух гигантов — К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко — заложила основы создания нового театрального организма, в котором главное место занимают актер, спектакль, творческая атмосфера, где организация труда, этические нормы поведения органически пронизывают весь процесс жизни коллектива.

Так семь десятилетий назад появился театр, на сцену которого пришла сама жизнь, театр, восставший против лжи и фальши, объявивший борьбу за большую сценическую правду.

Отмечая день рождения, всегда приятно отдать дань уважения родителям. Вот и сейчас прежде всего хочется говорить о создателях этого прославленного коллектива, национальной гордости нашего искусства — о Константине Сергеевиче Станиславском и Владимире Ивановиче Немировиче-Данченко. Меньше всего они, как мне кажется, хотели удивить мир своим талантом, своим режиссерским умением. Перед ними стояла другая задача, самая сложная и в то же время самая простая: показать действительность в ее бесконечном многообразии, приблизить зрителя к автору, связав их воедино. А эта связь может быть лишь в одном — в раскрытии жизни человеческого духа. Только человек, его богатый внутренний мир в состоянии заставить дышать зрительный зал в унисон с актером. Искусство Художественного театра заставляет людей думать и после его спектаклей, заставляет размышлять — и не только о пьесе, но о жизни вообще и о своей в частности. Театр стал школой жизни.

Помню, как Алексей Дмитриевич Попов — мой отец — рассказывал мне свои первые впечатления от мхатовских спектаклей, когда он, молодой провинциал, приехал в Москву. «Вишневый сад», «Три сестры», «Горе от ума» оставили неизгладимый след в его памяти и сердце. Он вспоминал, что после «Вишневого сада» долго не мог уснуть. Домой он не пошел, а всю ночь ходил по московским бульварам под впечатлением увиденного. По-моему, это и есть самая главная функция, самая высокая миссия театра — заставить человека думать. Добиться этого можно, конечно, с помощью настоящей драматургии.

Разговор о Художественном театре немалым без дорогих имен Чехова и Горького. Чехов открыл нам Художественный театр, а Художественный театр открыл нам Чехова-драматурга. Это было взаимное открытие, взаимное обогащение. То же самое произошло несколько позднее и с Горьким, когда Художественный театр первым поставил «Мещан», а затем — «На дне». В своей книге «Моя жизнь в искусстве» Станиславский пишет: «Брожение и нарождающаяся революция принесли на сцену театра ряд пьес, отражавших общественно-политическое настроение, недовольство, протест, мечтания о герое, смело говорящем правду... Главным начинателем и создателем общественно-политической линии в нашем театре был Алексей Максимович Горький». Вот почему МХАТ с гордостью носит это прекрасное имя.

Друг Чехова и Станиславского, находившийся всю жизнь под их обаянием, Горький попытается соединить дорогие его сердцу черты того и другого в образе Якова Богомоллова из одноименной пьесы. Инженер

Артисты Художественного театра с А. П. Чеховым и А. М. Горьким. Ялта, 1900 г.

РЕВОЛЮЦИЯ В ИСКУССТВЕ

Богомоллов по-чеховски верит в торжество человеческого разума, в святое будущее России и по-чеховски находит счастье в труде. Горький сделал своего героя большим ребенком, очень чистым и немного наивным, именно этим Яков Богомоллов напоминает нам Станиславского, до последнего дня сохранившего детскость, непосредственность, юношескую восторженность и одержимость. Вот за что я люблю этот характер, с которым не расстаюсь в течение многих лет.

Сила МХАТа и его основателей была так велика, что люди, работавшие в театре, хотели, стремились следовать за ними в поисках главного — связи искусства с жизнью. Так велика, что мало было работать там, подле Станиславского и Немировича-Данченко, — хотелось нести эту высокую театральную культуру, этот новый, открывающий перед актером широкие перспективы метод в другие театры, в другие города.

Лучшие ученики Станиславского — Валтангов, Мейерхольд, Завадский, Берсенева — стали во главе молодых коллективов. Каждый из них по-разному видел развитие традиций своих учителей, но каждый был одержим этим.

Мой отец уехал в Кострому и повез туда мхатовские традиции и принципы в искусстве, которые проповедовал всю жизнь...

Когда пришло время создания Театра Советской Армии, его работой почти с самого начала руководили мхатовцы. Так, с 1932-го по 1935 год это был Юрий Александрович Завадский, поставивший у нас «Мстислава Удалого» и «Гибель эскадры». Он первым из режиссеров познанивал актеров ЦСГА с основами «системы» Станиславского. Затем, в 1935 году, во главе театра встал Алексей Дмитриевич Попов, отдавший юляктиву армейского театра почти четверть века. Убавжденный мхатовцев, он ввел обязательные для всех актеров занятия и лекции о «системе» Станиславского. Режиссе-

ры МХАТа ставили у нас спектакли. Я помню «Последнюю жертву» в постановке Василия Григорьевича Сахаровского. Помню и горьковских «Мещан», которых поставила у нас Елизавета Сергеевна Телешева. На этом спектакле был В. И. Немирович-Данченко. Он очень хорошо отзывался о нем, об актерах.

Впервые я встретился с мхатовцами в совместной работе полтора десятка лет тому назад. Было это на съемочной площадке «Мосфильма», где режиссер К. Юдин снимал чеховскую «Шведскую спичку». В этой кинокомедии вместе со мной снимались Алексей Николаевич Грибов и Михаил Михайлович Яншин. У меня был тогда еще небольшой опыт в кино, и мастерство моих старших товарищей-мхатовцев очень помогало мне. Почти все мои сцены были вместе с Грибовым, потому что он играл опытного следователя, а я — его молодого помощника. Я учился у Грибова жить в образе, лаконичности выражения краской при остроте рисунка роли. Начиная репетицию или съемку, Алексей Николаевич сразу же давал такой верный тон, что рядом с ним просто невозможно было фальшивить. Это был мой наставник.

Станиславский и Немирович-Данченко создали великую плеяду актеров. Они оставили целый ряд спектаклей, ставших классическими для всех нас. Но этого мало. Они создали МХАТ как театр писателя. С какой принципиальностью и требовательностью подходил он и к драматургии, и к пьесе! После революции МХАТ открыл нам новых, советских драматургов — Всеволода Иванова, Константина Тренева, Михаила Булгакова, Леонида Леонова...

Во главе МХАТа стояли люди ищущие. Нам надо хранить эти традиции поиска, всячески развивать, углублять их. В театре все можно менять, совершенствовать. Но ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов раскрытие жизни человеческого духа. Именно это утвердили Станиславский и Немирович-Данченко в своем театре, и никогда, пока жив человек, устареть это не может.